

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего

**БОРЬБА С МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ: ФОРМЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТИМУЛОВ ЭКОНОМИКИ**

Панельная дискуссия

22 июня 2012 г. — 12:00—13:15, Павильон 8, Зал 8.3

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

Сессия Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Модератор:

Базил Мофта, Управляющий директор, глобальные развивающиеся рынки, Thomson Reuters

Выступающие:

Эрик Берглоф, Главный экономист, Европейский банк реконструкции и развития

Прабхакар Далал, Управляющий директор, Export-Import Bank of India

Владимир Дмитриев, Председатель, ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Жоао Карлос Ферраз, Вице-президент, Brazilian Development Bank (BNDES)

Фред Хохберг, Председатель, президент, Export-Import Bank of the United States

Нурлан Кусаинов, Председатель правления, АО «Банк развития Казахстана»

Томас Скотт, Главный экономист, Development Bank of Southern Africa

Елена Теплицкая, Президент, Американо-Российская торгово-промышленная палата; управляющий партнер, Imnex International, Inc.

Б. Мофта:

Всем добрый день. Очень рад сегодня присутствовать здесь. Начну с того, что это настоящий кошмар модератора — я имею в виду такое количество сильных участников дискуссии. Хотелось бы поработать так, чтобы у нас получилась отличная интерактивная сессия. Сразу оговорюсь: я не представляю людей перед их выступлением и не говорю длинных вступительных речей. Я хотел бы вести разговор в формате вопросов и ответов. Это значит, что я сам буду задавать участникам дискуссии много вопросов, но также надеюсь, что аудитория позже ко мне присоединится.

Сегодняшняя тема наверняка относится к тем, что обсуждают и перед прессой и в кулуарах. Это одна из тех тем, которые волнуют всех на протяжении последних нескольких лет. Все пытаются понять, какова реальная модель или какая модель правильная, а какая — нет. Учитывая сегодняшнюю аудиторию и участников дискуссии, я уверен, что все понимают: единой идеальной модели не существует. Это особенно заметно, если взглянуть на страны БРИК — роль правительства и роль банков развития в этих странах всегда была невероятно важной. На самом деле, их роль и деятельность, которые мы рассматривали как нечто вторичное еще буквально десять лет назад, теперь расцениваются как реальная помощь мировой экономике, и в особенности экономикам стран БРИК. Пока в странах БРИК все хорошо, но мы уже начинаем замечать, что экономики этих государств сталкиваются с трудностями — может быть, по причине сильной зависимости от развитого мира, но также, возможно, и по причине наличия проблем с инфраструктурой, занятостью населения, инфляцией и так далее. Мы знаем, что сложнее всего приходится Индии, и недавнее понижение ее рейтинга в Standard & Poor's стало для Индии испытанием. В Бразилии в прошлом квартале были отмечены показатели, неожиданные для самой страны и уж точно, совершенно неожиданные для всей мировой экономики.

Я считаю, что мы можем многое узнать от представителей стран БРИК о том, как они управляют своими экономиками. Надеюсь, сегодняшние участники

дискуссии расскажут нам об этом. Я также полагаю, что присутствующие желают найти пути дальнейшего развития и работы над существующими задачами. В начале обсуждения хотелось бы передать слово господину Владимиру Дмитриеву из «Внешэкономбанка» и поговорить о роли его организации в России, а также о способах продвижения к устойчивой экономике.

В. Дмитриев:

Спасибо, господин ведущий.

В начале своего выступления я проинформирую вас о том, что наш институт развития — ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» — в эти дни отмечает свое пятилетие. Наша организация достаточно молода, но учитывая, что она была создана на базе «Внешэкономбанка» СССР, ведущего свою историю с 1924 года, представляет собой достаточно зрелый институт развития. В течение всего периода деятельности мы занимались именно развитием: привлекали инвестиции, поддерживали советский промышленный экспорт, создавали новые рабочие места, увеличивали налоговую базу — в общем, осуществляли проекты, свойственные институтам развития.

Разумеется, наша миссия претерпела изменения за эти пять лет не только потому, что мы стали профильно-ориентированными на развитие нашей страны, на поддержку ключевых секторов экономики, на поддержку промышленного экспорта, создание рабочих мест в сфере малого и среднего предпринимательства, но и потому, что вызовы стали другими.

Думаю, стоит обсудить эти вызовы. Наш ведущий задает такой тон, говоря о вызовах, прежде всего связанных с устойчивым развитием, с ответственным финансированием, с корпоративной и социальной ответственностью, которую закладывают в основу своей деятельности и банки, и их корпоративная клиентура. Тезис об устойчивом развитии необходимо адресовать, прежде всего, тем, кто работает в реальных секторах экономики. Уверен, миссия

финансовых институтов развития состоит в обеспечении в банковской среде лидерства в продвижении идей устойчивого развития в корпоративную среду и банковский сектор.

Устойчивое развитие — это не только экология, которая и в нашей, и в других странах находится в угрожающем состоянии, но и корпоративная социальная ответственность, ответственное финансирование. В отличие от коммерческих банков, мы в своей долговой политике, в политике кредитования делаем ставку на проекты с длительными сроками окупаемости, с весьма низкими процентными ставками. Эти проекты несут повышенный риск, но являются критически важными для экономики нашей страны. К этой категории относятся и проекты, ориентированные на устойчивое развитие, на поддержку и развитие социальной и корпоративной ответственности.

Коммерческие банки, за редким исключением, и таких исключений в нашей стране я не знаю, ориентированы на совершенно другие подходы и на другую миссию. Думаю, что это не только российский феномен. Задачи коммерческого банка — получение прибыли, реализация проектов, которые могут приносить прибыль и доход не в долгосрочной, а в краткосрочной перспективе. Их политика связана с необходимыми нормами и регламентами, которые естественным образом распространяются на их корпоративную клиентуру. Трудно представить, что какой-либо банк возьмется кредитовать проект по производству, скажем, серной кислоты, которая будет вытекать из труб, распространяться по земле и наносить катастрофический ущерб окружающей среде. Для предотвращения этого существуют Ростехнадзор, другие организации, которые четко следят за выполнением экологических норм. Но этого недостаточно. Мы знаем огромное количество примеров предприятий, финансируемых банками, загрязняющих окружающую среду, не создающих новых рабочих мест, а воспроизводящих старые проблемы. Миссия институтов развития состоит в том, чтобы обеспечить лидерство и показать, каким образом, обеспечивая устойчивое развитие, можно кредитовать

экономику страны, создавать инфраструктуру, повышать качество производимой продукции, не загрязняя при этом окружающую среду.

Рад сообщить вам, что несколько проектов, которые в последнее время финансировались «Внешэкономбанком», стали лидерами в номинациях весьма авторитетных европейских изданий, таких как Trade Finance и Corporate Finance. Первые места в своих категориях были присуждены проектам из России впервые в истории номинирования. Проекты, реализуемые в России «Внешэкономбанком», получили первые места среди проектов всех стран Центральной и Восточной Европы.

К этим проектам относится деятельность «Хабаровского нефтеперерабатывающего завода»: за счет внедрения современных технологий уровень переработки бензина повысился до 96%, в несколько раз снизились выбросы вредных веществ в окружающую среду.

Еще один проект — «Тобольск-Полимер», где впервые внедрена не просто технология утилизации попутного нефтяного газа, но создано современное производство полимерных материалов, изготавливаемых на его основе. Эти материалы необходимы российской промышленности, но в основном закупаются за рубежом. Этот проект позволил создать новые рабочие места, в нем используются environment-friendly технологии, он способствует комплексному развитию регионов, где до сих пор не было ничего, кроме пасущихся оленей и примитивных производств. «Тобольск-Полимер» — не просто предприятие, утилизирующее попутный нефтяной газ, но сотни и тысячи новых рабочих мест для малого и среднего предпринимательства.

Для меня важно, что данные взгляды, идеи, подходы разделяются нашими партнерами — я имею в виду крупнейшие банки и институты развития — и из стран БРИКС, и из стран Шанхайской организации сотрудничества, в которой существует объединенный пул банков развития. Саммит ШОС проходил в Пекине совсем недавно, в начале июня, на нем пул банков развития ШОС подписал несколько документов, в том числе и документ, который обязывает нас в двухстороннем и многостороннем сотрудничестве исходить из

принципов устойчивого развития, ответственного финансирования, корпоративной и социальной ответственности.

Я еще раз подчеркиваю: имея в виду роль «Внешэкономбанка» в развитии экономики нашей страны, мы готовы обеспечить лидерство в побуждении других финансовых институтов руководствоваться этими же принципами в своей кредитной и инвестиционной политике.

Б. Мофта:

Большое спасибо, господин Дмитриев. Хочу кратко напомнить аудитории о том, что сразу после сессии господин Дмитриев выступает с короткой презентацией конкурсов, которые его банк со следующего года проводит для малых и средних предприятий. Теперь хотелось бы на секунду обратиться к господину Берглофу и задать простой вопрос: действительно ли мы можем позволить себе инвестиции в устойчивое развитие, о чем говорил господин Дмитриев? Разве правительства и банки развития не сконцентрированы сегодня на создании рабочих мест и возрождении экономики? Или эти идеи — просто хорошие прожекты? Эрик?

Э. Берглоф:

Я считаю, что разумное использование ресурсов — это ключевой момент деятельности банков развития. Разумное использование ресурсов в плане организации рабочих процессов позволяет частному сектору работать самостоятельно. Разумное использование ресурсов в том смысле, в каком Вы только что сказали, то есть такое, которое подразумевает внимательное отношение к окружающей среде, зависимость от энергии и так далее. Банки развития играют очень важную роль в продвижении этих понятий. Я считаю, что ключевым и очень важным моментом здесь является необходимость следовать определенным правилам. Когда мы имеем дело с частным сектором, мы должны принимать участие в разработке правил для международных финансовых институтов. Необходимо убедиться в том, что мы

не вытесняем частный сектор. Необходимо убедиться в том, что наше вмешательство способствует разумному использованию ресурсов. Через некоторое время мы должны иметь возможность уйти, а система должна продолжать работать самостоятельно. Я считаю, что в этом плане разумное использование ресурсов является абсолютным ключевым моментом деятельности банков развития. Банки развития хотят переходить от проблемы к проблеме, решая их одну за другой и оставляя систему работать дальше самостоятельно.

Б. Мофта:

Господин Ферраз, хочу обратиться к Вам и задать несколько вопросов о Бразилии, ее опыте и о том, что из этого опыта можно перенять. Экономический рост в Бразилии был невероятно стремительным, но сейчас он немного замедлился. Последние показатели уже не так впечатляют. Мы сейчас говорим об устойчивом развитии. Что в этой ситуации может сделать Бразильский банк развития? Что должен сделать банк, и что должно сделать бразильское правительство?

Ж.К. Ферраз:

Как уже говорил господин Дмитриев, устойчивое развитие направлено не только на вопросы защиты окружающей среды, но и на создание рабочих мест. Тогда у вас будет экономика, растущая и развивающаяся по-настоящему устойчиво. У нас должно быть полное понимание устойчивого развития. Как сказал господин Дмитриев, «поздравляем с 50-м местом». Мы на 60-м месте, и Ваша команда была в Бразилии на этой неделе, где состоялась дискуссия между группой банков развития по поводу более глубокого рассмотрения вопроса устойчивого развития.

Чтобы вы имели представление, скажу, что 15 наших учреждений в прошлом году осуществили инвестиции в защиту окружающей среды и в устойчивое развитие на сумму 90 миллиардов долларов. Бразилия сталкивается с

проблемами качества и, в то же время, несбалансированного роста. Наши задачи состоят в обеспечении процесса роста, который затрудняется нестабильностью в мире с одной стороны и общими проблемами процесса роста с другой. Замедление роста, которое мы наблюдаем сейчас, расценивается как осторожность, потому что экономические игроки ищут свое место в нестабильном мире. Сейчас нет признаков явных переломов; инвестиционные перспективы все еще присутствуют, и наш экономический горизонт относительно стабилен. Все, что мы имеем — это замедление темпов роста в сравнении с показателями в прошлом. Много говорят об инфляции, уровень которой сейчас упал, поэтому, я считаю, у нас довольно хорошие экономические перспективы. Задачей Бразилии на данный момент является переход от количественного роста к качественному; это необходимо для решения вопросов компетентности, для решения задач инфраструктуры, для поддержания процесса включения.

Бразильский банк развития играет роль одного из главных источников финансирования инвестиций. Мы предоставляем около 20% всего объема инвестиций, и в противоположность тому, что сказал господин Берглоф, нашей задачей является не вытеснение частных инвестиций, а их привлечение. С учетом имеющихся экономических перспектив, задачей сферы частного финансирования является привлечение частных инвестиций в долгосрочном периоде; это не вопрос вытеснения частных инвестиций.

Б. Мофта:

Когда я смотрю на страны БРИК, меня поражает, что, например, Южная Африка, господин Скотт, смогла достаточно успешно справиться с бурей, применив интересную политику. Каковы были действия правительства Южной Африки и Банка развития, который Вы представляете, и какие методы урегулирования текущего кризиса могут быть полезны остальным? Южная Африка сталкивалась с этим несколько раз.

Т. Скотт:

Спасибо. Мы, как и многие другие страны, сейчас чувствуем себя как велосипедисты при очень сильном ветре, который не обязательно дует спереди, а раскачивает нас из стороны в сторону. Конечно, перемены в мировой экономике и направлении ветра порождают множество вопросов. Мы уже некоторое время чувствуем, что стоим перед задачей создания общества, где есть социальная сплоченность, где решаются вопросы бедности, неравенства и ограничений экономического роста.

Достижение этих целей напрямую связано с достижением экономического роста, поглощающего рабочую силу. В 2010 году правительство Южной Африки утвердило стратегию, учитывающую три означенных положения. Затем задача была передана Комиссии государственного планирования, которая выработала план и несколько направлений решения имеющихся проблем. В центре всего лежит развитие инфраструктуры. Развитие инфраструктуры — основное направление работы Банка развития Южной Африки.

Банк играет и должен играть основную роль в решении вопросов перераспределения финансов для развития инфраструктуры не только в Южной Африке, но и во всем регионе. Мы абсолютно уверены в том, что процветание Южной Африки и развитие всего региона взаимосвязаны, поэтому существует обширная программа развития инфраструктуры в Южной Африке и в регионе в целом. Программы, над которыми мы работаем в Африке, воплощаются в жизнь с помощью Африканского союза — основной организации по развитию инфраструктуры. В Южной Африке над семнадцатью пространственно-интегрированными программами по развитию инфраструктуры работает недавно сформированная Президентская комиссия по координации вопросов инфраструктуры. Наше участие в этом заключается в финансовой поддержке рынка, а также в посредничестве и ускорении распределения финансов, а также привлечении к этому процессу других партнеров.

Один из критических моментов, который мы как учреждение можем отметить, заключается в том, что развитие инфраструктуры касается не только финансов, но и состоятельности правительства и функциональных институтов. Процесс развития инфраструктуры сложен, и мы считаем одной из своих ключевых ролей предоставление помощи там, где надо справиться с острыми углами и узкими местами.

Б. Мофта:

Спасибо. Продолжая тему роли правительства и инфраструктуры, я хотел бы поговорить об Индии. Думаю, господин Далал, я задам вопрос Вам: мы смотрим на происходящее в Индии, и это нас немного шокирует, удивляет или беспокоит, я не знаю, какое слово подобрать. Как Вы считаете, Индия сможет преодолеть текущие трудности? Должны ли банки развития сконцентрироваться на улучшении инфраструктуры Индии, чтобы вывести ее из кризиса?

П. Далал:

Спасибо. Я не вижу серьезных проблем в экономике Индии. Она остается в ряду самых быстро растущих экономик в мире. В последние пять с небольшим лет рост составлял 8,5—9%, теперь он немного замедлился, в этом году ожидается рост в 6,5%. На то есть несколько причин. Некоторые из них внешние: кризис в еврозоне и замедление темпов роста в других частях мира. Есть также некоторые задержки внутреннего характера, например, определенные экономические реформы, которые не удались или были приостановлены по нескольким причинам, но мы считаем, что их выполнение возможно и правительство полностью на это настроено. По завершении президентских выборов, намеченных на июль, будут приняты дополнительные меры.

Сейчас мы проходим через то, что один экономист назвал рассеянной параллелью — одна плохая новость за другой. Создается впечатление, что

где-то произошел сбой, и все идет вкривь и вкось. Говоря о развитии инфраструктуры, согласно принятому в 2012 году пятилетнему плану на 2012—2017 годы, правительство потратит 1 триллион долларов США на инвестиции в развитие инфраструктуры, что составит 200 миллиардов долларов США в год. Инвестиции будут исходить не только из государственного, но также из частного сектора посредством государственно-частных партнерств, ожидаются и прямые зарубежные инвестиции. Несмотря на определенные негативные тенденции, объем прямых зарубежных инвестиций в Индии в 2011—2012 годах был самым большим в мире и составил 48 миллиардов долларов США, поэтому все не так плохо, и я уверен, что в скором времени показатели улучшатся.

Б. Мофта:

Господин Хохберг, могу я вот так — вдруг, неожиданно — обратиться к Вам со следующим вопросом: инвестиционный климат в развивающихся странах привлекателен по-прежнему? Туда все еще желательно вкладывать деньги, или условия становятся настолько трудными и непредсказуемыми, что уже неразумно продолжать осуществлять инвестиции такого рода?

Ф. Хохберг:

Спасибо. Экспортно-импортный банк США занимается скорее экспортным финансированием, чем инвестициями, но в ходе выступления участников дискуссии у меня возникли две мысли. Наши возможности как агентства по экспортному кредитованию в отношении устойчивого развития заключаются в предоставлении займов на срок до 18 лет. Мы предоставляли кредит на строительство ветровой электростанции в Гондурасе. Срок погашения составлял 18 лет. Испанская компания собирает оборудование в США, поэтому мы могли профинансировать проект, ведь мы создаем рабочие места в США, и оказалось, что самая дешевая энергия в Гондурасе — ветровая.

Альтернативы в виде нефти или керосина гораздо более затратны. В этом случае устойчивое развитие заключалось также в малозатратном решении.

В Индии в прошлом году мы были единственным крупным финансовым партнером по проектам солнечной энергии. Например, Azure Power в Раджастане приобрели в США оборудование на условиях займа на срок 18 лет. При этом важно, что для строительства солнечной электростанции они создали в Индии 600 новых рабочих мест и еще 200 рабочих мест для последующего обслуживания станции. Это не только устойчивое развитие и получение возобновляемой энергии, это еще и создание хороших рабочих мест в формальной экономике Индии, что также является важной частью экономик многих развивающихся стран.

В Бразилии мы недавно профинансировали проект по переработке метана — извлечение метана из отходов, превращение его в энергию и продажа ее Petrobras — все с помощью американских технологий. В этом случае речь идет о разумном использовании ресурсов: берутся отходы, из них производится биотопливо, а также создаются рабочие места для обеих сотрудничающих сторон. Условие предоставления кредита сроком на 18 лет позволяет отнести эти проекты к классу устойчивого развития и является неотъемлемой их частью. Конечно, большая часть работы Банка экспорта и импорта связана с развивающимися экономиками. Мы много работаем в Европе, но гораздо больше — в развивающихся странах.

Б. Мофта:

Еще на секунду: есть ли среди развивающихся рынков такие, которые в нынешних условиях привлекательнее других?

Ф. Хохберг:

Наибольший рост мы наблюдаем в Индии. Этот рост был очень велик в прошлом году; это была вторая страна в мире по темпам роста, и на сегодняшний день это наш второй по объему портфель. Увидим, что

произойдет с замедлением роста, о котором говорят в Индии, но в областях энергетики, инфраструктуры и авиапромышленности в Индии все хорошо. Турция тоже очень сильная страна. Мы финансируем 18—20% всего экспорта США в Турцию и примерно столько же в Индию, поэтому скажу, что эти страны определенно сильны. В прошлом году мы подписали протокол о намерениях в Нигерии на объем энергии, равный 1,5 миллиарда долларов США. Посмотрим, что из этого получится. Я не знаю, можно ли назвать развивающейся колумбийскую экономику, но Колумбия стала самой быстро растущей страной в нашем портфеле в прошлом году: мы профинансировали около трети экспорта США в Колумбию за прошлый год. По большей части это было финансирование строительства нефтезавода, в результате чего было создано 20 000—25 000 рабочих мест в США и около 8 000 рабочих мест для строителей в Картахене. И в этом случае, опять же, важным моментом создания инфраструктуры и такого типа развития стало предоставление рабочих мест в обеих странах: и в стране экспорта, и в стране импорта.

Э. Берглоф:

То, что сказали господин Хохберг и господин Дмитриев, очень важно. В нынешнем нестабильном мире хотелось бы иметь больше институтов, способных предоставить финансирование на долгий срок — 18, 20, 25 лет — с расчетом на устойчивое развитие. Банки развития не являются высокопрофильными институтами, но, согласно последнему исследованию Всемирного банка в отношении 90 институтов такого типа в 60 странах, они обладают активами на сумму 2 триллиона долларов США, поэтому их экономическая сила очень велика.

Б. Мофта:

Если исходить из этого, возможность получения инвестиций и выгоды доступна только большим экономикам стран БРИК, таких как Индия и Бразилия. Относятся ли сюда небольшие развивающиеся экономики,

например Казахстан? Сможете ли Вы найти ключевых инвесторов на этом рынке?

Ф. Хохберг:

В Казахстане в прошлом году мы профинансировали приобретение локомотивов GE — прямой заем у Банка экспорта и импорта на сумму 425 миллионов долларов США сроком на 12 лет. Я не уверен, что Вы имели в виду Гондурас, но и здесь мы смогли предоставить заем на строительство ветровой электростанции на срок 15—18 лет. Вот рынки, на которых мы работаем. Вот где я провожу большую часть времени — в Азии и Латинской Америке; за свою карьеру я дважды побывал в Африке южнее Сахары, а в Латинской Америке — семь или восемь раз за последние три года. Вот где мы видим множество возможностей. Мы пытаемся направить туда экспортеров, обеспечивая стабильное долгосрочное финансирование. А в такой среде не так легко найти банкира, желающего предоставить заем сроком на 12 лет.

Б. Мофта:

Я думаю, такие нечасто встречаются. Господин Кусаинов, каков Ваш взгляд на этот вопрос?

Н. Кусаинов:

Спасибо. Как Вы заметили, мы не очень большая страна, и институты развития у нас не могут играть такой большой роли. В конце 1990-х — начале 2000-х годов мы приватизировали большинство компаний и банков, и я считаю, что частный сектор сыграл огромную роль в реформировании инфраструктуры и существенном ускорении экономического роста.

Что случилось во время кризиса и после кризиса? Наши банки пострадали от кризиса в числе первых, даже раньше европейских, даже раньше банков других развивающихся стран. Мы были близки к необходимости получать средства из Лондона или Нью-Йорка. Тогда Банк развития Казахстана и другие

институты развития стали играть основную роль, во-первых, в рефинансировании предприятий, у которых еще было все в порядке, но возникали проблемы из-за жадности коммерческих банков и их ориентации на краткосрочные планы. Мы получили дополнительную капитализацию от правительства, оно сыграло важную роль в поиске нужных прозрачных инструментов для поддержки предприятий. Правительство Казахстана под руководством Президента представило долгосрочную перспективу под названием «Стратегический план промышленных инноваций». Это очень сложная задача, и конечно, без участия Банка развития Казахстана о ней нельзя даже и думать. Сейчас Банк развития Казахстана играет важную роль. Мы называем себя ледоколами для коммерческих банков: наши коммерческие банки все еще заморожены, они не могут просто занять денег за рубежом, поэтому мы стимулируем эту часть экономики.

Мы стараемся работать осторожно, потому что мы учимся. Мы учимся у стран БРИК, мы учимся у развитого мира, мы знаем все «за» и «против» и знаем, что правительство далеко не всегда может найти лучшее решение для частных проектов с большим объемом капитала. Тем не менее, кто-то должен это делать, и Банк развития Казахстана увеличивает свои мощности. Мы пытаемся ввести новые инструменты, такие как финансирование проектов, и многому учимся у Ближнего Востока, где финансирование проектов успешно используется. Я говорю о реальном классическом финансировании проектов с сильными восходящими контрактами в таких видах промышленности, как нефтепереработка и энергетика. В этом году мы начали инвестиционный проект для большого нефтеперерабатывающего завода и большого очистительного завода в Западном Казахстане, при этом мы в полном объеме используем самые современные инструменты. Это еще одна роль Банка развития Казахстана.

Мы пытаемся не просто быть финансовой организацией, но и повышать уровень своей ответственности. Господин Дмитриев сказал, что мы должны очень ответственно подходить к вопросу инвестирования. Мы учим

ответственности своих клиентов в частных и государственных компаниях. С учетом сегодняшней обстановки, даже в таких небольших экономиках, как Казахстан, вопросы развития должны играть большую роль.

Б. Мофта:

Я хотел бы вновь обратиться к господину Дмитриеву и спросить его о том, какую роль в той самой «сегодняшней обстановке» играет правительство. Мы говорим о банках развития и правительстве одновременно. Каким образом они сотрудничают, особенно в России? Что может сделать правительство для улучшения инвестиционного климата?

В. Дмитриев:

Так как здесь все говорят по-английски, я тоже перейду на этот язык. Наша деятельность и деятельность любого института развития неразрывно связана с правительственными политиками. Во-первых, банки развития, банки экспорта и импорта, экспортно-кредитные агентства являются финансовым двигателем, которым правительство пользуется для достижения определенных целей и продвижения в определенных направлениях экономического развития. Мы как семья: правительство в роли матери или отца, а мы их дети, но мы тоже выросли. Россия в этом отношении является своего рода феноменом. Если рассматривать финансовые институты для развития, институты для привлечения инвестиций, институты для поддержки и продвижения промышленного экспорта, в России все эти структуры связаны не напрямую с правительством, а с «Внешэкономбанком». Но феномен заключается в том, что «Внешэкономбанк» на 100% владеет Российским экспортно-импортным банком. Феномен заключается также в том, что «Внешэкономбанк» на 100% владеет Российским фондом прямых инвестиций. Феномен заключается еще и в том, что «Внешэкономбанк» на 100% владеет российскими экспортно-кредитными агентствами. В рамках деятельности

«Внешэкономбанка» есть другие институты, играющие роль институтов развития.

Но наша собственная деятельность во многом посвящена правительственной политике. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на Наблюдательный совет «Внешэкономбанка», который возглавляет премьер-министр. Кроме того, в состав совета входят первый заместитель премьер-министра, заместители премьер-министра и основные министры, что фактически свидетельствует о том, что правительство играет и должно играть исключительную роль в деятельности институтов развития. Но мне бы хотелось, чтобы правительственная политика была действительно ориентирована на определенные направления развития нашей экономики. Проекты, которые мы финансируем, не обязательно должны закрепляться за нами и вменяться нам в обязанность в плане поддержки той или иной отрасли промышленности. Мы хотели бы видеть более осознанный подход правительства к руководству институтами развития в определенных сферах нашей деятельности и ответственности. Говоря кратко: да, правительство и институты развития являются во многом взаимосвязанными структурами, и конечно, их цель — осуществлять определенную политику и стимулировать развитие определенных областей экономики.

Б. Мофта:

Отлично, спасибо. Стоит отметить также наличие в России других форм, таких как Российско-американская торговая палата, поэтому я хотел бы задать вопрос Вам, Елена, о тесной связи между правительством и банками развития. Какую роль играет такой институт, как торговая палата, и как он влияет на устойчивость развития?

Е. Теплицкая:

Если позволите, одна поправка: Российско-американская торгово-промышленная палата является американской организацией. Она

зарегистрирована в США, но является двусторонней. Основана она была в 1992 году, что достаточно символично.

Я родилась в Санкт-Петербурге и в 90-х годах переехала в США. Мэр Санкт-Петербурга господин Собчак предложил мне занять пост председателя Российско-американской торгово-промышленной палаты, я имела честь и возможность работать и взаимодействовать лично с Владимиром Владимировичем Путиным, который в то время был заместителем мэра Санкт-Петербурга и председателем Комитета по внешнеэкономическим связям. Прилетая в Санкт-Петербург или въезжая в центр города, можно заметить два предприятия, которые возникли в результате сотрудничества между городом и Российско-американской торгово-промышленной палатой — это заводы Gillette и Wrigley. Каждый раз, когда я проезжаю мимо, меня переполняет чувство выполненного долга, потому что многое из того, что мы делаем, неосвязаемо, а этими заводами я особенно горжусь. Когда мы говорим об инфраструктуре и прямых зарубежных инвестициях, ключевым моментом, конечно, являются коммуникации.

Российско-американская торгово-промышленная палата стала инициатором встречи администрации мэра Санкт-Петербурга и представителей компании Motorola, а затем господин Путин возглавил первое в России совместное предприятие компании Motorola и администрации Санкт-Петербурга, что позволило Motorola не только продавать телефоны, но и инвестировать в инфраструктуру. Первые мобильные телефоны в Санкт-Петербурге появились в результате такого сотрудничества.

Но, если позволите, я ждала своей очереди, чтобы выступить. Я здесь не для того, чтобы рекламировать Российско-американскую торгово-промышленную палату. Я основала некоммерческую организацию, хотя сама в ней не работаю. Я оказываю ей всевозможную поддержку, но, поскольку в бизнесе я практик, то в 1991 году, став соучредителем компании Inmex International, я поставила целью предоставление помощи многонациональным и небольшим компаниям в осуществлении прямых инвестиций. Как подчеркнул вчера в

своей речи Президент Путин, прямые инвестиции — это связующее звено между нашими странами, при этом прямые инвестиции — это долгосрочные инвестиции. Они гораздо более устойчивы.

Я хотела бы воспользоваться возможностью поблагодарить господина Дмитриева и «Внешэкономбанк» за то, что они взяли на себя роль флагмана внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации. Задумайтесь, это же поразительно: «Внешэкономбанку» как банку развития всего пять лет. Это очень впечатляет, если учитывать их достижения. Насколько я помню, только в 2005 году они начали заниматься проектами государственных партнерств, которые легли в основу дальнейшего развития. Я бы сказала, что в вопросе лучшей модели для стран БРИК панацеи нет, но российская модель, несмотря на свою новизну и молодость, совмещает в себе лучшие мировые практики.

Особенно важно при работе над большими проектами и инфраструктурой уделять равное внимание малым и средним предприятиям. Раньше я пыталась сконцентрировать все внимание на многонациональных предприятиях, потому что это значительная составляющая моего дохода, но позже я начала уделять больше внимания малым и средним предприятиям. Для меня большая честь, что одна из компаний, с которыми я работаю, помогла «Внешэкономбанку» организовать обучение для банкиров и владельцев малых и средних предприятий с участием тренеров из Бразилии. Это БРИК в действии; когда мы применяем многонациональный подход, мы получаем взамен отличный практический результат в каждой стране БРИК, потому что каждой стране есть что предложить: Индия, Бразилия, Китай — крупнейшие строительные площадки мира.

Но в вопросе частных и государственных партнерств нужно думать не только о партнерстве с федеральным правительством, но и о региональных и местных правительствах, а также о добросовестных контрактах между правительством и частным бизнесом. Когда страны занимаются инвестициями? Например, в Китае есть фантастический проект под

названием, кажется, «Инфраструктура за ресурсы» («И» для «Р»), который реально способствует развитию Южной Африки. Я думаю, южноафриканское правительство и китайские инвесторы договорились о справедливом распределении, что влияет и на другие страны. Все должно быть честно, прозрачно и идти на пользу всем странам, участвующим в подобных проектах. Иногда хорошее — это давно забытое старое. Говоря о моделях, возьму на себя смелость напомнить о «Новом курсе» Рузвельта во времена Великой депрессии. Я не идеализирую его. Многие аспекты были очень неоднозначны и, возможно, слишком либеральны для рыночной экономики. Но его результаты легко наложить на современные развивающиеся экономики, и их восстановление после кризиса 2009 года, я думаю, говорит в пользу этой идеи.

Б. Мофта:

Это очень интересная мысль. Я хочу кратко обратиться к Вам, господин Берглоф: есть ли среди моделей развивающихся рынков такая, которая кажется Вам наиболее устойчивой или наилучшей в нынешней кризисной ситуации и вообще в нынешней среде? Китай, Бразилия и Индия справляются трудностями по-разному. Как бы Вы их сравнили?

Э. Берглоф:

Это большой вопрос. Во-первых, я считаю, что все они очень разные, и решения для каждой из них будут разными по причине различий систем. Что касается России, то она ответила на удар кризиса очень хорошо, и я считаю, что в это время выявились основные слабые места: слабость финансовой системы, слабость инфраструктуры и так далее. Думаю, что «Внешэкономбанк» также сыграл важную роль в работе над этими слабыми местами, работе с финансовым сектором, работе с нами в плане обмена опытом и в плане попыток, как кто-то сказал, вовлечения частного сектора в инвестиционную активность; это очень важно. Я думаю, что Россия не сможет

повторить сделанное Китаем, Индия определенно не сможет этого повторить. С другой стороны, у России и Индии тоже есть чему поучиться.

Б. Мофта:

Отлично. Спасибо. Вернемся к недавним событиям, в частности к происходящему в Европе и не только: господин Роп, как Европейский инвестиционный банк планирует способствовать решению проблем и какова его роль в финансировании инфраструктуры в целом?

А. Роп:

Большое спасибо. Начнем с того, что Европейский инвестиционный банк является банком ЕС. Наш оборот составляет около 50—60 миллиардов евро как внутри ЕС, так и за его пределами. Около 80% этой суммы работают внутри Евросоюза. Как банк ЕС, мы должны видеть проблемы ЕС и принимать участие в поиске решений. Сейчас Евросоюз находится в процессе реформирования, ведутся дискуссии. Мы ожидаем, что в конце месяца Совет Европы примет решение по нескольким важным вопросам: что делать и как решать проблемы с ЕС и экономическим ростом.

Если взглянуть на последние экономические прогнозы, мы увидим, что на 2012 год прогнозы для еврозоны составляют 0,7%, для ЕС — 0,4%, а общий экономический рост в мире должен составить 2,2%. Очевидно, что экономика Европы переживает трудные времена, и надо бороться, чтобы продвинуться дальше. Все мы согласны с тем, что основные задачи — жесткие экономические меры, с одной стороны, и с другой, меры для поддержания экономического роста, что не так просто, как в начале экономического кризиса в 2008—2009 годах. Тогда в фискальной области находилось место государству, теперь его нет. Ведутся серьезные разговоры об увеличении активности Европейского инвестиционного банка путем увеличения капитала. Это решение в руках глав государств, но, я думаю, мы можем добавить от 10 до 60 миллиардов евро в виде дополнительного капитала. Вместе с

каталитическим эффектом и привлечением частного капитала мы можем выйти на сумму в 180 миллиардов евро внутри ЕС, что представляет собой внушительную сумму.

Второе, о чем мы говорим, и что также является очень серьезным решением, — облигации проекта ЕС. Не еврооблигации, а облигации проекта. Это особый инструмент, который мы используем в так называемых проектах TEN-T (проектах трансъевропейских транспортных сетей). Они принимаются ЕС и обеспечиваются гарантиями Европейской комиссии и Европейского инвестиционного банка. Они являются инструментом, с помощью которого мы можем получить от Европейской комиссии дополнительные гарантии в размере 5 миллиардов евро, что примерно в десять раз больше суммы частных инвестиций. Основной задачей сейчас является решение вопроса присоединения частного капитала и частных сбережений к окончательной сумме инвестиций. Хотелось бы поделиться с вами некоторыми интересными цифрами в отношении ЕС: в 2008 году объем частных инвестиций снизился на 7% и еще на 13% — в 2009 году. В первые два года финансового кризиса мы наблюдали снижение объема инвестиций в Европе почти на 25%. В то время правительства стран ЕС изо всех сил старались поддержать на прежнем уровне объем государственных инвестиций. Очевидно, инвестиции являются очень важной проблемой, с которой необходимо разобраться.

Третья область, где нам предстоит проделать значительную работу и найти хорошее решение, подразумевает под собой структуру фондов на уровне ЕС. Имеется достаточно высокий уровень неиспользуемых структурных фондов: согласно некоторым расчетам, есть возможность найти дополнительные 55 миллиардов евро и действовать совместно с Европейским инвестиционным банком для поддержания экономики в рамках ЕС. Существуют разные приоритеты. Сейчас у меня нет времени их обсуждать, но инфраструктура является одной из областей, в которых мы хотели бы работать. Я провел несколько бесед с министрами финансов стран ЕС, и могу сказать, что существует большой интерес к привлечению частного капитала, особенно в

отношении облигаций проекта. В европейских банках есть ликвидность и есть потенциал для инвестиций, но необходимо найти инструменты для того, чтобы ускорить процесс, обеспечить защиту частного капитала, повысить его доверие, привлечь к участию в экономическом росте. Эти трудности достаточно серьезны, но мы надеемся быстро продвигаться в работе.

Итак, первоочередная задача ЕС и всего мира — найти способ привлечь в проекты частный капитал и частные сбережения, найти способ управлять частными сбережениями и капиталом как компонентом экономического роста. Я не вижу других решений для повышения экономического роста. Без повышения экономического роста мы не сможем найти выход из кризиса.

Б. Мофта:

Отлично. Спасибо. Господин Хохберг, я полагаю, кризис в Европе заметно влияет на всех. Как это влияет на Ваши перспективы в финансовой торговле, как изменится Ваш взгляд на мировую экономику, если кризис продолжится?

Ф. Хохберг:

Многие инфраструктурные проекты отличает длительная подготовка. Возможно, это бестактно, но для компаний США сейчас настало подходящее время: у них есть возможность приобрести рыночные акции, потому что финансировать проекты в Европе сейчас сложнее, чем раньше. Некоторые инфраструктурные проекты перешли на долгосрочное финансирование из США на срок в 12 лет, так как нет уверенности в том, смогут ли они финансировать экспорт за пределы Европы. Это было совмещено с Базелем III, а кроме того, наблюдается неприятие долгосрочных займов, поэтому экспортно-кредитные агентства и банки развития стали намного более критичны к выполнению проектов по займам. У нас все еще есть мощности: по заявлениям Президента Обамы и в соответствии с Национальной экспортной инициативой ожидалось удваивание показателей, и мы уже выполнили эту программу наполовину. Президент предложил увеличить сумму заемного

капитала до 140 миллиардов долларов США и подписал этот законопроект менее месяца назад, поэтому у нас может быть портфель в размере 140 миллиардов долларов США. Сейчас объем составляет 100 миллиардов долларов США, поэтому, хоть и неохотно, но что-то мы сможем взять из этого резерва. Это плюс для американских экспортеров. И хотя меня интересует глобальная ситуация, мы можем воспользоваться этим резервом, даже если часть денег может не поступить в Европу прямо сейчас.

Б. Мофта:

Хорошо. Господин Ферраз, короткий вопрос к Вам: с какими трудностями сейчас сталкиваются банки развития? Звучит так, будто все отлично и дела идут хорошо, складывается красивая картинка — но все не может быть так расчудесно, правильно?

Ж. К. Ферраз:

Нет, все не настолько прекрасно. На сегодняшний день банки развития по-прежнему сталкиваются с двумя или тремя основными проблемами. Одна из них заключается в том, что, как уже упоминал господин Роп, все мы играем важную роль в отношении системной стабильности. Мы можем внести вклад как в макроэкономику разных стран, так и в систему в целом. Вторая проблема, как многие говорили, заключается в необходимости преодоления рыночных трудностей. На мой взгляд, есть и третья проблема. Она состоит в том, что, будучи государственными институтами, мы должны обеспечивать дивиденды обществу и государству, так как к нам поступают государственные средства.

Господин Дмитриев затронул вопрос, который указывает на проблему банков развития, а именно в полном смысле устойчивое развитие. Он упомянул об устойчивом развитии в плане ответственного финансирования. Мы могли бы стимулировать или поддерживать качество управления в экономических агентствах. Далее идут вопросы, связанные с инфраструктурой, и

отрицательные внешние факторы, связанные с инфраструктурой. Когда мы поддерживаем строительство гидроэлектростанции, насколько все оказывается сложно, если взглянуть на вопрос системно: дороги, школы, безопасность, канализация... В условиях Бразилии это, вероятно, означает переговоры с двумя штатами, пятью муниципалитетами, семью министерствами и десятью неправительственными организациями. Необходимость направить действия этих людей в одно русло требует от институтов огромных усилий и использования навыков, которые большинство из нас приобрели в ходе работы над соглашениями для обеспечения деятельности многих людей в одном направлении.

И последний момент, наверное, менее важный для господина Хохберга, если учитывать, из какой он страны, — это проблемы, связанные с поддержкой инноваций в развивающихся странах. Не будет никакого устойчивого развития, если страны, стремящиеся к инновациям, не поднимутся на нужный уровень компетенции. Нам нужно научиться этому у США и перенять их опыт. Мы сильно отстали. Финансирование инноваций или устойчивого развития означает финансирование нематериальных вещей, выход за рамки физических гарантий. Требуется прикрытие на 130% и попытка разработать методики, где ценится компетентность, которую нельзя измерить количеством. Необходимо менять методику и перенести внимание на нематериальные ценности, способность анализировать проекты в долгосрочной перспективе с точки зрения устойчивости. Не знаю, как на это смотрят мои коллеги.

Б. Мофта:

Давайте спросим господина Скотта. Действуют ли банки развития в соответствии с нематериальными ценностями? Могут ли они так действовать? Должны ли?

Ж. К. Ферраз:

Я считаю, что могут и планируют.

Б. Мофта:

Давайте спросим Вашего соседа, господина Скотта, что он думает по этому поводу.

Т. Скотт:

Я соглашусь со сказанным. Банкам определенно стоит поддерживать расширенную концепцию ускорения развития. Мы говорили о координации действий нескольких сторон и о сложности работы в различных юрисдикциях, межгосударственных или внутри одной страны с различными игроками и на разных уровнях власти, — эти проблемы огромны. Одним из ключевых моментов является управление и попытка ускорить процесс поэтапного перевода масштабного проекта из стадии концепта к стадии пригодности для финансирования. Это политические навыки, финансовые навыки — во время работы над огромными проектами все становится очень сложно. Очень важно уметь координировать различные фонды на различных этапах развития проекта, в частности, когда необходимо привлечь различные типы льготного финансирования и использовать его совместно с коммерческим финансированием.

Б. Мофта:

Господин Далал, как Вы считаете, эти ценности можно применить к экспортно-импортным банкам?

П. Далал:

Да. В Индии существует уникальная модель. Мы разработали финансовые институты для этих ключевых секторов экономики. Например, 30 лет назад был создан Экспортно-импортный банк Индии для финансирования, продвижения и ускорения внешней торговли Индии. Теперь мы продвигаем инвестиции индийских организаций в другие страны и внутри самой Индии. Мы

также финансируем экспортную деятельность индийских компаний с тем, чтобы они могли производить товары и услуги для международных рынков. У нас есть подобный банк под названием SIDBI (Индийский банк развития малого предпринимательства) для малых и средних предприятий. В этом секторе 32 миллиона рабочих мест, и он очень важен для нас. Помимо создания рабочих мест и вклада в ВВП Индии, этот сектор создает треть всего экспорта Индии в размере 300 миллиардов долларов США. Итак, у нас есть Индийский банк развития малого предпринимательства и Национальный банк развития сельского хозяйства. Пятьдесят процентов населения зависят от этого сектора. У нас есть Национальный банк развития сельского хозяйства и Экспортно-импортный банк Индии. Это наши финансовые институты развития, и они проделали огромную работу с тех пор, как в 1947 году, 65 лет назад, Индия получила независимость. Они сделали очень многое, и мы очень рады их достижениям.

Б. Мофта:

Отлично. Так как мы подошли к концу нашей сессии, я хотел бы дать аудитории возможность задать вопросы участникам дискуссии. Если у вас есть вопросы, поднимите руку, и мы передадим вам микрофон.

И. Никитчук:

Спасибо.

Никитчук, депутат Государственной Думы.

Я хочу задать вопрос Владимиру Дмитриеву. Вы привели несколько примеров внедрения новых технологий, которые, с точки зрения экологии, дают положительный результат.

У нас огромная проблема с отходами, в стране накоплено примерно 90 триллионов тонн промышленных и бытовых отходов, некоторые очень вредны для здоровья людей. Скажите, пожалуйста, есть ли в портфеле банка какие-либо планы для решения этой чрезвычайно важной для России проблемы?

В. Дмитриев:

Спасибо.

Да, у нас в портфеле есть целый ряд проектов, направленных на утилизацию не только твердых бытовых отходов, но и отходов промышленного производства: медицинского, химического и так далее. Задав этот вопрос, Вы затронули тему, на которой я сфокусировал свое внимание, отвечая на вопрос о взаимоотношениях между государством и институтами развития. Согласитесь, было бы странно, если бы «Внешэкономбанк», или «Банк развития Казахстана», или Ex-Im Bank США ездили по территориям своих стран со счетчиками Гейгера, выявляли бытовые отходы и потом рассчитывали бизнес-планы, строили финансовые модели, делали технико-экономические обоснования, как с этими отходами бороться, как их утилизировать. Эту миссию должно взять на себя государство. Оно должно определить операторов утилизации отходов и дать распоряжения банку развития обеспечить этих операторов длинными дешевыми деньгами. Скажем, государство обнаружило, условно говоря, в Удмуртии, под Ижевском полигон, где сконцентрированы большие отходы промышленного производства, вредные для окружающей среды и для людей, определило оператора, и дало указания «Внешэкономбанку» по обеспечению его средствами, достаточными для утилизации этих отходов. Так должно быть сделано по всей стране.

Это относится не только к отходам. Мы должны иметь четкую обратную связь между банком и государством. Во многих случаях, особенно когда речь идет о структурных реформах, недостаточно декларировать направления деятельности: суперкомпьютеры, фармакология, медицинская техника, информационные технологии... Важно, чтобы институты развития понимали, с кем и над какими проектами им работать, какие из этих проектов приоритетны. Ваш вопрос попал в точку. Здесь должна быть обеспечена теснейшая связь между государством и институтами развития. Спасибо.

Б. Мофта:

Спасибо. Давайте выслушаем еще один вопрос от аудитории. Есть ли еще вопросы? Большое спасибо участникам дискуссии. Напомню, что по этой теме еще коротко выступит господин Дмитриев. Если не возражаете, мы можем перейти к его докладу прямо сейчас.

В. Дмитриев:

Да, спасибо.

Буквально несколько слов, затем один из руководителей нашего банка сделает более подробную презентацию для желающих в деталях ознакомиться с премией развития. Наблюдательный совет «Внешэкономбанка» принял решение об учреждении ежегодной «Национальной премии развития». Эта премия не связана с деньгами, она связана с признанием вклада предприятия в развитие экономики нашей страны. Она ежегодно будет вручаться Президентом Российской Федерации в ходе Петербургского международного экономического Форума по представлению Наблюдательного совета «Внешэкономбанка», который возглавляет Председатель Правительства Российской Федерации.

Премия будет учреждаться в нескольких номинациях: лучший проект в сфере инфраструктуры, лучшие проекты по отраслям промышленности, лучший проект комплексного регионального развития и лучший инвестиционный проект развития в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства. Я призываю своих российских и иностранных коллег, работающих в нашей стране, обратиться к интернет-сайту «Внешэкономбанка», где будут прописаны положения этой премии, и включаться в борьбу за эти номинации, чтобы на Петербургском Форуме в следующем году, возможно, стать номинантом и получить премию из рук Президента Российской Федерации.

Спасибо.

Б. Мофта:

Отлично. Всем большое спасибо.

Выступающий:

Хочу поблагодарить моих друзей и коллег из государственных, надгосударственных и международных институтов развития за участие в нашем семинаре. Спасибо, что вы приехали в Санкт-Петербург не только ради того, чтобы выразить свое мнение, но и чтобы пообщаться с нами, обменяться мнениями — это очень важно для институтов развития, работающих в государственной и международной среде. Спасибо.